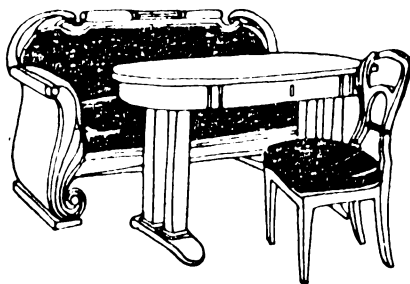

Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Олег ЧАРУШНИКОВ

НА
СТРАШНОМ
НЕРВЕ

ББК 84Р7-4

Ч. 26

Издание подготовлено литературно-издательским агентством «Эхо».

Чарушников Олег Игоревич.

На страшном нерве. Юмористические рассказы. «Фантакрим-микро». — М.: Прометей, 1989. — 32 с

Новосибирский прозаик О. Чарушников умело пользуется в своих рассказах элементами фантастики, сатирически заостряя угол нашего зрения на «болевы́е точки» и коллизии повседневной жизни.

Ц 4702010201 — 280 без объявл.
183(2) — 89

© Издательство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина, 1989

НА СТРАШНОМ НЕРВЕ

Начальник отдела Петр Николаевич Ряшенцев подошел к столу инженера Брюкова. Брюков оторвался от логарифмической линейки, на которой прикидывал шансы на успех «Сибири», и поднял голову. Взгляды их встретились...

«Вот возьму сейчас да и спрошу, как обстоят дела с проектом птицефермы», — начальственно подумал Петр Николаевич.

«А вдруг он сейчас возьмет да и спросит: «Как обстоят дела с проектом птицефермы?» — испуганно подумал Брюков.

«А что, если он возьмет да и ответит: не готово, мол?» — подумал Петр Николаевич.

«А я возьму да и отвечу: дескать, готово, но пока еще не совсем...» — подумал Брюков.

«А я тогда спрошу: «А почему?» — грозно подумал Петр Николаевич.

«А он тогда и спросит: «Эт-то почему такое?» — боязливо подумал Брюков.

«А если он ответит: «Я был на капусте, вот почему!»? — подумал Петр Николаевич.

«А я ему отвечу: «На капусте был, вот почему! Вы же, между прочим, и послали!» — дерзко подумал Брюков.

«А я скажу: «Капуста капустой, а проект нужно сдавать в срок!» — решительно подумал Петр Николаевич.

«А тут он мне и врежет: «Капуста, дескать, капустой, а проект извольте сдавать вовремя...» — со страхом подумал Брюков.

«А если он мне ответит: «В отделе двенадцать человек, а послали именно меня. Да еще на целую неделю». Шум начнет поднимать, он ведь такой...» — подумал Ряшенцев.

«А я ему в лицо отвечу: «В отделе дюжина рыл, одно шире другого, а загнали, конечно же, меня, да еще чуть не на месяц. Я такой скандал устрою! До главного пойду!» — подумал Брюков.

«Нет, лучше не буду ни о чем спрашивать», — подумал Ряшенцев.

«Вот ни о чем и не спрашивай», — подумал Николай Александрович Брюков.

Ряшенцев кашлянул и спросил:

— Работаешь, Брюков?

— Работаю, Петр Николаевич... — ответил Брюков.

— Ну, работай, работай... — сказал Ряшенцев и прошел в свой кабинет. Сев за стол, он вытер со лба пот и подумал: «Ну и работничек... С такими вот и получают инфаркт в сорок лет...»

А Брюков, оставшись один, подумал: «Уй, ну и начальник мне достался... С таким рано посидеешь... Увольняться надо отсюда к чертовой бабушке!»

И оба вздохнули.

ГЕРОЙ ДНЯ

После окрошки заговорили о литературе. Начал, как всегда, эрудит и душа компании Стопоров.

— Взять, к примеру, хоть Джойса, — лениво говорил он, делая скучающее лицо. — Его фабулу я бы назвал летящей...

— А Вашингтон Ирвинг! — кричал гость с норвежской бородкой. — Помните у Ирвинга? Колоссально!

Дамы, не дыша, внимали знатокам. Клюев сидел в углу, зажатый между двумя пухлыми блондинками, и угрюмо ел холодец. «Сейчас заспорят об итальянцах», — думал он.

Заговорили об итальянцах. Замелькали имена Альберто Моравиа, Сальваторе Квазимодо, Гоффридо Паризе...

— А я вот не читал, вот не читал я Гоффридо Паризе. Не читал, — неожиданно сказал Клюев и в наступившей тишине мрачно положил себе еще холодца.

— Ох, не читал он Паризе! Паризе он не читал! — всплеснула руками полная дама с кольцом, похожим на застежку кошелек. — Бедняжка, вы не читали «Хозяина»?

— Не читал.

— Вообще-то говоря, культурные люди о подобных вещах предпочитают не распространяться... — заметил Стопоров.

— А я ему завидую... — вздохнул бородатый. — Его ждет неземное наслаждение. Подумайте только, открыть для себя целый мир, полный чарующих образов, о-о-о... Вы, может быть, и Кингсли Эмиса не читали?

Не читал.

— От души вам завидую, — с уважением сказал бородатый.

— Я и Маркеса не читал, — осмелев, заявил Клюев.

Все смотрели на него с напряженным ожиданием. Эрудит Стопоров почувствовал, что оттесняется на второй план, и сказал с беспокойством:

— Подумаешь, а я не читал Филдинга...

— Ну что там Филдинг, — снисходительно возразил Клюев, — Филдинга все не читали. Вот мне лично не приходилось сталкиваться с произведениями Лорки, Кафки, Чапки...

— Какого еще Чапки? — поразился Стопоров.

— Виноват, я имел в виду Карела Чапека, известного чешского писателя первой половины нашего века. Кроме того, не читал всех испанцев, всех латиноамериканцев и Натанэла Уэста.

Инициатива прочно перешла в руки Клюева. Он сыпал фамилиями. Дамы ахали. Бородатый при каждом новом имени восхищенно побрякивал. В пылу беседы забыли об еде. На краю стола одиноко холодел гусь с яблоками. Рядом сидел Стопоров и подавленно шелушил чебака.

Клюев блаженствовал, купаясь в лучах славы и обожания. До дверей его провожали всей компанией и наперебой приглашали в гости. Клюев раскланивался с достоинством, как маститый актер после блистательной премьеры.

СКАЗАНО — СДЕЛАНО

Симареев опустил на стул и шепотом спросил у соседа:

— Давно заседаете?

— Только началось, — ответил сосед, не отрывая внимательного взгляда от окна. — Еще муху не привязывали.

Симареев огляделся. Обычные перевыборы профкома. В зале человек сто. Фанерная трибуна с микрофоном. Другой микрофон на столе президиума. У края сцены ящик с песком, надпись: «Санпроверка произведена». Члены президиума сгрудились около микрофона.

Они привязывали муху! Это явствовало из реплик, доносившихся через включенный микрофон:

— Накидывай петлю!

— Суровой ниткой бы лучше...

— Легче, легче... Оп, затягивай!

Симареев осторожно тронул рукав соседа:

— Зачем они это?..

— Первый раз у нас? — догадался тот.

Симареев кивнул.

— Что ж, — сказал сосед, — тогда смотрите внимательнее. — Тут он резко отвернулся к окну, прошептал «Четыре» и записал карандашиком на манжете — «четыре».

Собрание, меж тем, разворачивалось стремительно и совершенно подавило Симареева обилием впечатлений.

Муху все-таки привязали ниткой к микрофону. Из развешанных по стенам динамиков обрушился на членов профсоюза рев тяжелого бомбардировщика.

В президиуме заметались. Представительный мужчина с чудесной спелой лысиной — как видно, председатель профкома — склонился над микрофоном и что-то проделал. Громовое жужжание стало тише. Голосов, впрочем, слышно все равно не было.

— Пять! Шесть! — крикнул сосед и опять почиркал карандашиком.

Далее события пошли, как в кошмарном сне. На трибуну с неожиданной ловкостью вспрыгнул председатель. Живо достал из кармана кофемолку, высыпал горсть зерен и, высунув длинный язык, быстро завертел им внутри кофемолки. По залу пронесся приятный запах свежемолотого кофе.

— Бразильский! — завистливо прокричал сосед. Это тебе не с цикорием. К годовому отчету старик всегда бразильский достает. Семь!

Председатель молот кофе минут двадцать. Наконец, положив язык на плечо, устало прошествовал на место. Годовой отчет о работе профкома был закончен.

Без задержки разразились прения. Первый из выступавших выронил из-под пиджака увесистый булыжник... Нисколько не стусевавшись, выхватил рубанок и широкими взмахами стал снимать с председателя стружку. Председатель вырвался и погрузил голову в ящик с песком. Но оратор не отставал, из-под рубанка вилась и сыпалась тугая стружка.

— Восемь! — крикнул сосед, кося глазом в окно.

Далее отличился один скромный товарищ. Сначала он дал всем членам президиума по новой шапке. Затем зачерпнул горсть песочка, прошедшего санпроверку, и до блеска продраил председателя, особенно в области шеи, так что там даже пена выступила. Эта речь прошла под аплодисменты. Ушами хлопали так дружно, что заглушили неутомимое насекомое.

Розовощекий молодец около получаса надсадно трубил в фанфары.

— Девять, — сказал сосед и отметил этот факт на манжете.

— Нет, уже десять, вы ошиблись... — коварно заметил Симареев.

— Вы наверное знаете? — забеспокоился сосед. — Наверное? Мне нужно знать точно.

— А к чему такая точность?

— Как вы не понимаете! — заерзал на стуле сосед. — На наших собраниях никто не сидит без дела. Я, например, ответственный за подсчет ворон. Вон тот, с краю, который пушок с рыльца обирает, на собраниях всегда баклуши бьет, чурки такие, заготовки для деревянных ложек. Рядом культсектор. Знаменит тем, что хлопает не ушами, как все, а глазами... Одно плохо, — пожалел разговорившийся сосед. — На собрании часто мухи дохнут. Не выдерживают нагрузки.

— А муху-то зачем привязали? — угрюмо спросил Симареев.

— Господи боже мой! Да для тишины же. — полной, мертвой тишины в зале, неужели не понятно! Чтоб слышно было, как муха прожужжит.

Сосед прищурился на председателя:

— Это он все ввел, золотая голова. Непременно на третий срок переизберем.

РАБОЧАЯ СИЛА

Пичуев долго готовился к этому торжественному дню.

— Главное — длительное время не бриться, — говорил он встревоженной жене. — И телогрейка необходима позасаленней.

Ватник достали у знакомого с кафедры физвоспитания, стройотрядовца-ветерана.

— Очки меня беспокоят, Сережа, — волновалась жена. — Может быть, стоит взять у Стрельникова контактные линзы?

— Мария! — раздраженно кричал Пичуев. — Ты выдашь тайну соседям! Не делай этого, Мария, будь осторожна в беседах.

Жена тихонько плакала в ванной и с соседями старалась не общаться. Пичуев злился и проверял обмундирование.

Настал день «икс»...

Взволнованный Пичуев трепетно погладил щетину и, прошептав: «Ни пуха...», с грохотом ввалился в кабинет директора магазина. Директор сидел за трехтумбовым столом и брезгливо листал пухлую опломбированную книгу. Припекающий солнечный зайчик назойливо прыгал по комнате, и директор прикрывался ладошкой.

— Насчет работы я, — независимо произнес Пичуев и хотел сдернуть треух, но потом передумал и не стал сдергивать.

— По объявлению? — скучным голосом спросил директор и ухватил зайчика в горсть.

— По нему, — кивнул Пичуев, прицельно сплевывая мимо урны.

— Кем работали раньше? — директор бережно поднес кулак к уху, и, скосив глаз, осторожно прислушался...

— Так это, начальник, — закричал Пичуев, почесывая под треухом, — по районам больше ездил. Курятники ставил, гусятники... Теперь решил: осяду. В одном месте, то исть, буду, хм-м... вкалывать...

— Это хорошо, эт-то хорошо... — бормотал директор, осторожно приоткрывая пальцы. В горсти ничего не оказалось. Директор вздохнул и поднял

глаза на посетителя. — Работа, предупреждаю, тяжелая... Пьете?

— Ну, как все люди... — степенно сказал Пичуев. — По праздникам, опять же после баньки...

— Так-так-та-а-ак, — пропел директор. — Трудовой книжки, естественно, не имеете?..

— Однако, затерял я ее, — прохрипел Пичуев. — Сомневаться нечего, начальник, мужик я справный!

Преодолев сопротивление толстого стеганного ватника, он с трудом согнул руку и напряг бицепс.

— Вы нам не подходите! — решительно заявил директор и широким жестом смахнул надоевшего зайчика на пол.

— Как же так? — растерянно заморгал близорукими глазами Пичуев. — Вам же требуются...

— Такие не требуются, — отрезал директор. — В архитектурном работаете? Доцент?

— В химико-технологическом, — прошептал потрясенный Пичуев. — Позвольте, но как вы догадались?..

— Вы уже пятый за эту неделю, — объяснил директор. — Приходят одетые стрельцами и просят в грузчики. И все как один — в лыжных ботинках!

Пичуев ахнул и уставился на свои ноги.

— Идите! — сурово произнес директор книжного магазина и так строго посмотрел в окно, что солнце закрылось тучкой. Надоедливый зайчик побледнел и растворился. — Библиотеки собирают... Симулянты!

Домой Пичуев вернулся вне себя.

— Ты подвела меня! — обрушился он на жену, с усилием, как змея во время линьки, выворачиваясь из ненавистного ватника. — Что я теперь скажу на кафедре? Расхвастался, как мальчишка...

Жена рыдала и накрывала на стол.

— Завтра пойду в магазин около драмтеатра, — рассуждал огорченный Пичуев, поглощая пельмени. — Буду жевать окурок, это работает на образ... Мария, ты не знаешь, у кого есть поношенные кирзовые сапоги и окурок «Севера»?

— Попросим у Стрельникова, — с готовностью предложила жена, подкладывая порцию горяченьких...

— Только не объясняй зачем! — сторожился муж и грозил ложкой. — А то, не ровен час, тоже захочет...

— Не захочет, — успокаивала жена. — После защиты Стрельников три отпуска отработал экспедитором в книготорге, ему книг не надо...

Семья мирно вкушала пельмени, радуясь наступившему покою. А в это время директор книжного магазина отбивался в своем кабинете от двух аспирантов университета, одетых в костюмы времен царя Алексея Михайловича. Стрельцы-аспиранты пели хором озорные частушки и притопывали каблуками лыжных ботинок.

Сбоку заседала заведующая отделом подписных изданий — разгружать прибывшую машину с книгами было некому. Директор пытел и отдувался. За окном разгорался июльский день, солнце жгло, и солнечный зайчик толстел и наливался на глазах.

НА ДИВАНЕ

— Мария, сегодня суббота?.. — с надеждой протонал Перепреев, разлепляя глаза.

— Суббота, как же... Жена в коридоре надевала

пальто. — Воскресенье нынче. Восьмое марта, рождество Христово!

И, грохнув дверью, ушла.

— Значит, понедельник, — вздохнул Перепреев.

Не поднимаясь с дивана, стал искать левый носок (на правой ноге был). Не нашел.

Попил воды из банки, стоящей под диваном, — облился.

Закурил, сказал себе: «Опять понедельник... На работу надо идти...»

С дивана не встал. Лежал тихо, рассматривал пятно на потолке.

«А может быть, не стоит идти? — не спеша, размышлял Перепреев. — Какая уж работа больному человеку?..»

Пятно слегка покачивалось и все время пыталось отъехать вправо, но Перепреев цепко держался за него взглядом.

Окурок обжег пальцы. Рука непроизвольно дернулась. Папироса скатилась по наволочке. Потянуло паленым.

«Никакой работы больному человеку быть не должно... И без меня перетопчутся...»

Затылку стало тепло. Из подушки закурился дымок. Перепреев недовольно мотнул головой и подумал: «Не пойду. Больному дома лежать надо».

Тлеющая подушка сползла на пол. Пятно ускакнуло. Перепреев отыскал его взглядом. «Или пойти все-таки?»

От подушки нехотя занялся половичок. Мелкие языки пламени поднялись, побежали к шкафу, забрались внутрь. Шкаф заскрипел и накренился, осел. Щелкнуло треснувшее стекло. В комнате крутился дым.

Перепреев внимательно следил за пятном на потолке. Оно набухало, темнело. Центр пятна задрожал, с него сорвалась мутная капля, еще одна, еще... Заморосил известковый дождик.

«Вот, пожалуйста, кран не закрыли, — мирно думал Перепреев, подставляя лицо освежающей влаги. — Ушли, понимаешь, на работу, а кран-то и того... Зачем уходили? Не пойду на работу!»

С потолка посыпались куски, дождик перерос в ливень. Зашипел залитый водой шкаф, из дивана полез пар. Перепреев закурил и попил теплой воды из банки.

«Краны надо закрывать, а не на работу ходить!» — думал он.

Потолок затрещал и обрушился разом, подняв облака белой пыли. В пролом хлынул водопад, горячий и грязный.

Перепреев прикрыл горстью папиросу, смахнул с лица крошки известки и окончательно решил: «Нет, не пойду! Ну их всех, навалились, продыху не дают, гады. Болен я, отвяжитесь!»

Перепреев заворочался на диване, устраиваясь поудобней. Он принял решение. Он был тверд и спокоен.

Но что-то мешало Перепрееву. Ворочалось что-то в душе, не давало лежать...

Беспокойно скрипел диван. Перепреев боролся с собой. «Чего лежу-то? — думал он. — На работу не пошел...»

Перепреев протянул руку за банкой. Звякнула опрокинувшаяся бутылка.

«Вот, бутылок под диваном не сосчитать... Полвторого уже, а я лежу...»

И не выдержал Перепреев.

Встал. Кряхтя, собрал в портфель пустые бутылки, пересчитал мелочь, оделся и вышел...

Перепреева не было часа три. Уже начала подсыхать жирная ржавая лужа на полу, когда появился хозяин комнаты. Он держался очень прямо, а что бормотал — невозможно было разобрать, что-то вроде «Больному... Навалились... Не пойду...»

Перепреев раздеваться не стал. Точнее, просто не успел до конца. Диван принял его на свою испытанную грудь.

Больше в тот день Перепреев с дивана не вставал.

— Мария, сегодня суббота? — простонал Перепреев, разлепляя глаза.

Дверь хлопнула.

— Значит, вторник... — вздохнул Перепреев и стал искать второй носок...

ПРОПАВШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Вереница измученных людей брела по степи. Они шли уже пятый день, и конца-краю не видать было серебристому морю ковыля, местами перемежавшемуся проплешинами солончаков.

На коротких привалах путешественники наскоро подкреплялись «Завтраком туриста» и вновь пускались нехожеными тропами по маршруту, известному лишь руководителю экспедиции. Пропыленные котомки с провизией худели день ото дня...

Во главе группы, давя чугунными сапогами чахлую растительность, размеренно вышагивал предводитель — кандидат географических наук Балашов. Он опирался на увесистую землемерную раскоря-

ку, напоминающую букву «А», и бормотал: «Только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог... Пятый день мы идем по Африке...» Временами Балашов обзирал окрестности в морской бинокль и делал пометку в записной книжке.

На исходе недели, после форсирования водной преграды, следовавший в арьергарде заслуженный деятель искусств Бельский выбился из сил и отказался продолжать движение. Он лежал на спине, уставив в небо острую бородку.

— Мы не можем бросить вас одного в степи, без пищи, воды и топлива! — сурово говорил Балашов.

— Вдобавок без курева... — пророкотала пианистка Громобоева.

— Ничего... степь отпоет... — шептал заслуженный деятель (в душе он всегда был поэт и бродяга).

После короткого совещания обессилевшего Бельского уложили на землемерную раскоряку и двинулись к заветной цели похода.

Семнадцатый день был омрачен хулиганской, антиобщественной выходкой младшего члена экспедиции — кинооператора Симеонова. Оголодавший донельзя Симеонов поймал в степи суслика и съел его в одиночку, не подумав о больных товарищах. Полевой товарищеский трибунал единодушно вынес эгоисту-кинооператору строгое порицание. Симеонов на три дня был лишен сладкого пайка.

На двадцать четвертый день впереди показались барханы. К этому времени путешественники настолько обносились и поисхудали, что у пианистки Громобоевой впервые за последние тридцать лет появились признаки талии. Разговоры о еде пришлось

категорически запретить. Уже четверо не могли идти самостоятельно. Их по очереди несли на двухноге.

И вот он, наконец, желанный рубеж, обозначенный покосившимся столбиком, вбитым в центре просоленной котловины! Цель достигнута!

Заслуженный деятель Бельский, царапая солончак ногтями, плакал, как ребенок. Громобоева и Симеонов на радостях отплясывали качучу.

Спокойным оставался лишь руководитель экспедиции. Изможденный, но, как всегда, подтянутый Балашов объявил:

— Заседание правления дачного кооператива «Мир искусств» считаю открытым! Предлагаю перейти к разбивке участков.

АУКЦИОН

Аукцион открыл плотный моложавый мужчина в замечательном свитере.

— Итак, товарищи, первоначальная цена: двадцать! Но... это, разумеется, несерьезно. Сами должны понимать...

Публика заволновалась.

— Восемнадцать! — выкрикнули из дальних рядов.

— Пятнадцать, — с достоинством сказал уверенно державшийся посетитель, как видно, завсегда-датай.

Аукционер ласково посмотрел на собравшихся.

— Пока хорошо... Смелей, смелей, ребята! Чей-то вы хмурые какие... Дальше!

— Двенадцать, — робко проговорил болезненного вида старичок с большим портфелем. В публике зашептались. Наступила пауза.

— Э-э-э... — сморщился аукционер. — Хило, ребяташки. Что за жмотство такое, не пойму. Не знаю, что и делать... Есть кто смелый тут, а? Или закрывать будем?

Посыпались испуганные возгласы.

— Десять! — заорал завсегдатай.

— Восемь, — подали голос из дальних рядов.

— А пять не хотите? — победоносно обернулся к толпе старичок с портфелем. — Даю пять!

Публика застонала. Завсегдатай долго жевал губами, прикидывал, потом крикнул:

— Эх, пропадать! Четыре!

Аукционер медленно хлопал ладонью.

— Ра-а-аз... Два-а-а...

— Две — страстно выкрикнул старичок. — Две! Не пропадать же добру!

— Оп, принято! — подвел итог аукционер. — Молодец, папаша, твоя взяла.

Старичок бойко принялся выставлять на прилавок пустые бутылки из-под «Карачинской». Толпа стала расходиться.

— Вечно он цену сбивает, — злобно шептал завсегдатай. — Третий раз дорожку перебегает, желудочник чертов...

— А ты кефирчик, дружок, потребляй, — обернувшись, невинно проговорил старичок. — Его в любви подворотне, знаешь ли, принимают...

— Просто жмот, — веско сказал приемщик стекло-тары — аукционер. — Копейку пожалел, кретин, вот иди теперь и мучайся...

— А может, все-таки примешь по четыре, а, хозяин? — канючил завсегдатай, кренясь под тяжестью мешка.

— Слепой? — сжав зубы, ответил приемщик. —

Тары нет, понял? Места нет. И не будет, никогда! Сказали — пей кефир, вот и хлебай. С-с-стяжатель. Тьфу!

— А ты выставляй, папаша, посуду, выставляй, — обратился он к старичку. — Ты нормальный мужик, не то что этот... Всем жить нужно, верно ведь? И тебе, и мне. Все-е-е-ем...

ПОТРАСАЮЩИЙ ЕРЕМЕЕВ

Нам сказали: «Экзамен по строительным конструкциям будет принимать преподаватель Еремеев».

Он нас всех просто потряс, этот преподаватель Еремеев! Мы такого еще и не видывали, и не слыхивали. О нем потом прямо легенды по институту ходить стали.

Все, ну все было необычно в нем. Даже то, что в фамилии четыре «е»: Е-ре-ме-ев. Но не это главное! Оказывается, он в школе вундеркиндом был. Причем не стандартным (уравнения в уме решать или сонеты придумывать), а нсобыкновенным.

Спортивным.

Уже в первом классе маленький Еремеев прыгал выше, дальше, быстрее любого девятиклассника. Физрук, так тот не знал, куда его усадить, дрожал и трясся.

И началось: тренировки-поездки, поездки-тренировки... За годы учебы Еремеев объездил весь мир. Даже чемпионом Андорры стал.

Его любой институт с руками брал. Точнее, с ногами. Но Еремеев выбрал не инъяз, не журфак, не внешней торговли, а наш скромный вуз, транспортный. Наверное, потому, что ездил все время, вот и потянуло, куда привычнее.

Спорт он в институте не бросал. Тренировки-поездки, поездки-тренировки... А в промежутках за вузовскую команду выступал, кафедра физвоспитания им бродила, не знала, куда усадить.

Естественно, остался Еремеев в аспирантуре.

Вот теперь начинается самое главное!

Добил он нас, растоптал и уничтожил на экзамене по строительным конструкциям. Заходит в аудиторию молодой человек, симпатичная еще на нем троечка — синяя в полоску, строгая. Сел за стол, руками голову подпер и глаза прикрыл. Устал, наверное, только-только из Австралии вернулся, а тут на тебе — экзамен принимай.

Первым я пошел отвечать. Чем, думаю, сидеть — мучиться, лучше уж разом покончить! Взял да и пошел.

В общем, нормально я отвечал. Не то чтобы блестяще, нет. Скорее, даже средне. Даже, скорее, плоховато. Любой ребенок, если нормальный, так ответит. Хотя, с другой стороны, когда я был ребенком, так бы не ответил.

Не это важно. Главное, как Еремеев меня слушал! Замечательно слушал, замечательнее не бывает. Глаза закрыты, лицо вниз, в особо удачных местах посапывал иногда. Чудесный человек, сразу мне понравился. Я его и раньше в коридоре видел, но никак не думал, что он такой замечательный.

Отвечал я, отвечал, кончил. А Еремеев слушает. Так слушает! Я залюбовался, оторваться не могу. Молчу, и он молчит. И все, кто в аудитории был, тоже молчат. Замечательно тихо в аудитории было, как на кладбище, или еще не знаю где.

Потом он один глаз приоткрыл.

— Вы у меня первый, — говорит, — такой...
Хоть и приятно мне стало, но виду не показал.
Зачем, думаю, вид показывать? Вдруг он не любит этого, сказал вот и глаза снова прикрыл.

Помолчали. Потом я ненавязчиво сказал:

— Сапегов моя фамилия. Во-о-он моя зачетка, слева.

Еремеев восторженно вскрикнул.

— Да-да, — говорит, — да-да... Поставьте себе оценку. Я подпишу.

Мы все окаменели. Онемели мы все и замерли. Я зачетку в руках мусолю, что делать, растерялся. Сзади шепчут: «Пятерку ставь, кретин, пятерку!»

Я взял и поставил четверку. Это мой принцип: ничего лишнего. Пятерку надо было поставить, это я потом понял. Но, с другой стороны, откуда у меня пятерке взяться? Во всей зачетке тройки да тройки, а тут пятерка вдруг! Нет, зачетку портить ни к чему.

Подаю ему зачетку на подпись, а он сердится.

— Где подписывать-то? — говорит. — Галочку вам трудно поставить?

Поставил я галочку, а он рукой прицелился и подмахнул.

Вышел я из аудитории сам не свой. Подождал наших — те вроде бы тоже не в себе выходят... Со всей группой он так поступил. А почему? Почему?

Сразу скажу: таких экзаменов никогда не было у нас в группе — ни до, ни после. И на факультете тоже.

Оказалось (вот оно — самое потрясающее!), пока Еремеев тренировался, ездил, выступал — учиться

ему времени не хватило. Что там арифметика! — на грамматику минутки не выкроить! Когда в первом классе букварь проходили, он за областную команду выступал. А когда за слоги принялись — за республиканскую. Так и не научился. Ни считать, ни писать. Трудно было сначала, но привык, обтерся.

Теперь Еремеев в университете работает. Говорят, команду тамошнюю в чемпионы выводит. Ну, а по совместительству — преподает понемножку. Даже диссертацию, по слухам, заканчивает. Кандидатом-то он станет, в этом я не сомневаюсь. Интересно только, каких наук — технических, геологических, географических или физико-математических?

ДЕЛУ — ВРЕМЯ

Сергей Кузьмич, воровато оглянувшись, подошел к телефону и набрал номер.

— Профком? — произнес он в трубку гнусавым женским голосом. — Из четвертого цеха беспокоят. Говорят, наш токарь Огурцов должен выступать сегодня на слете передовиков производства? Коллектив обеспокоен... Как это чем? А известно ли вам, что Огурцов вчера попал в вытрезвитель? Да. И позавчера тоже. Нельзя его выпускать на столь высокую трибуну. Разберетесь? Вот и хорошо...

Сергей Кузьмич набрал другой номер. На этот раз он говорил простуженным басом.

— Алло! Из четвертого цеха звонят. Это вы пригласили токаря Огурцова на совещание по обмену опытом? Что значит «а в чем дело?» Вы в курсе, что заядлый прогульщик Огурцов снова не вышел на работу? Надо знать такие вещи, прежде чем приглас-

шать! Вот то-то... Совершенно правильно... Именно «в шею»!

Сергей Кузьмич порылся в записной книжке.

— Четвертый цех на проводе, — пропел он в трубку глубоким грудным контральто. — Недопустимо посылать хулигана и браконьера Огурцова на конкурс художественной самодеятельности! Был на хорошем счету, а теперь нет! Мало ли что «прекрасный баянист». Опасная близорукость, товарищ... Надо бы еще поинтересоваться, откуда у него этот баян... Рыбу глушит ваш любимчик Огурцов! Динамитом. Недавно пойман в ЦПКиО с поличным, усекли? Делайте соответствующие выводы. Всего доброго...

Сергей Кузьмич довольно потер руки. Справившись с книжкой, он позвонил еще в четыре места и разными голосами сообщил, что окаянный Огурцов уклоняется от алиментов, живет не по средствам, имеет поддельный аттестат зрелости, а также совершил злодейское похищение дворовой собаки Чернушки с целью изготовления шапки.

— Ну вот, — закончив звонить, удовлетворенно вздохнул он. — Теперь и работать можно!..

Токарь Сергей Кузьмич Огурцов тяжело поднялся и направился на свое законное рабочее место.

ЖЕСТОКАЯ

(Монолог неудачника)

Я хочу купить автомобиль.

Я безумно хочу купить автомобиль.

Неприменно «жигуленок». Темно-вишневый.

Вечерами буду выбегать в пижаме во двор —

гладить радиатор, протирать стекла, прогревать мотор...

Иногда, конечно, стану кататься. Не на работу, боже упаси! Не за картошкой на базар, ну ее, что вы! Буду мчаться по идеальному шоссе, каменяя от восторга, обгонять криволапые «Запорожцы», угловатые «Москвичи» и птиц!

Я смертельно хочу купить автомобиль!

Но она не позволяет. Все внимание требует на себя, всю любовь — к себе. Не позволяет приобрести мечту жизни! А разве это жизнь — без мечты?

Кроме того, я хочу кооперативную квартиру.

Я сил нет как хочу приобрести кооперативную квартиру!

Двухкомнатную! В этой комнате — я, в той — она. Гостиная в клеточку, спальня — в полосочку, кухню кафелем обить. Обои моющиеся, несмываемые, негорючие, противоударные, пылеводонепроницаемые. Везде воздух, свет, музыка, балкон, мусоропровод! И никаких, никаких клопов! Я буду петь песни на своей кооперативной жилплощади!

Страшно хочу купить кооперативную.

Но она, опять же она! Не разрешает!

Я жутко хочу дачу.

Ух, как я зверски хочу дачу!

Выезжать (на машине, из кооперативной квартиры) по пятницам и растить щавель, смородину, а также морозоустойчивый виноград. А зимой все это поесть. Целиком, со шкуркой, косточками и витаминами, полезными и вредными.

Мне так хочется дачу!..

Но она, она-то не позволяет! Какая такая, мол, дача? Какой еще щавель? Глупости, не бывает ни-

каких щавелей и быть не может. А вот пойдика лучше, братец, да и вытяни соленький огурчик из бочки. А то они там уже как весной — цветут и прорастают!

Я набираю огурчиков и говорю ей: «Пойми, любимая, душно! Одной мечты нет, другой тоже... Отчего так все?»

«Да оттого, что ты любишь меня, глупенький! А любовь — это самое-самое важное в жизни!»

И, как всегда, я покоряюсь ей, моей родной, моей умнице. Я сразу забываю о даче, квартире.. Лишь мечта об автомобиле еще шевелится в душе. И чтобы заглушить это, я наливаю из нее полный стакан и кричу:

— Поехали!

УЧИТЕСЬ У КЛАССИКОВ!

С гражданином Анциферовым литсотрудник молодежной газеты Сергей Бадейкин боролся около года. Этот самый Анциферов однажды прислал в редакцию дрянное стихотворение под названием «Философское». Кончалось оно так:

Все, что носишь с собой, то твое

Вот за это свое и держись!

Сереза написал автору: «Уважаемый тов. Анциферов! Ваше «философское» стихотворение произвело на нас неприятное впечатление. Конечно, оно могло бы послужить неплохим лозунгом для слета по борьбе с карманниками... Но для газеты сей опус категорически не подходит С приветом! Литконсультант С. Бадейкин»

В общем, не самый дипломатичный отзыв дал неосторожный Сережа. Результаты не замедлили сказаться. Обидевшийся автор накатал жалобу, в которой указал, что «его втоптали в грязь» и «унизили перед коллективом». На летучке Бадейкину влетело за нечуткость и отсутствие такта.

В коридоре расстроенного Сережу догнал старый фельетонист Карагодин. Карагодин обожал делиться опытом с новичками и подписывался псевдонимом Бор. Машинный.

— Кто же так делает! — закричал он на всю редакцию. — Пойми, несмышлениш, автор — существо хоть и глупое, но капризное, ранимое и обожает ласку. Поэтому ответ должен быть как бы двойным. Примерно так: у вас, мол, замечательный поэтический талант, но к стихам, дескать, вы абсолютно не способны.. Усек? Да! Непременно советуй поучиться у классиков. А ты прямо в лоб норюшь. Глупо, брат!

Сергею понравился двойной способ. Он бодро побежал строчить ответ Анциферову, вместе с жалобой приславшему свежий стишок, о природе. Новое детище было выдержанным в сугубо лирических тонах

Сережа подумал и начертал следующее: «Уважаемый тов. Анциферов! В вашем стихотворении привлекает важность темы — любовь к родному краю. Чувствуется, вы не равнодушны и к проблеме загрязнения природы (описание сиреневых вод реки). Но некоторые особенности стихотворения настораживают. Так, не являются открытием рифмы «птичка-синичка» и «трудом-миллион». Советуем поучиться форме и содержанию у классиков».

Вежливое послание подействовало. Анциферов мол-

чал больше месяца, но затем прислал еще один шедевр. Уже первые строчки:

Мы строим, строим новый дом,

Чтоб веселей нам было в ем!

вызвали у Сергея ощущения человека, заметившего в наполовину съеденном борще большую зеленую муху.

Бадейкин подышал, сделал десять приседаний и написал: «Уважасмый тов. Анциферов! Приятно, что вы не замыкаетесь в рамках одной темы и обратились к проблемам жилищного строительства. Правильно! Надо помогать нашим славным строителям бодрящими, жизнерадостными строками. Но мы вынуждены еще раз напомнить вам о необходимости учиться у классиков. Кроме того, употребление слов типа «ем», «если», и «кёнул» («если кёнул ты кирпич, мы в отместку бросим клич») вряд ли оправдано. С приветом»

Теперь Сережа не боялся ничего. Продукция неутомимого Анциферова неизменно встречала вежливый отпор, сдобренный советами учиться у классиков пера. Так продолжалось почти год. Пятнадцать раз устремлялся настырный автор на штурм «литературной» странички газеты, и пятнадцать раз Сергей отбивал нападение без потерь и усилий.

Кончилась эта идиллия внезапно и нехорошо.

В шестнадцатом послании Анциферова вместе с поэмой о ремонте химчистки содержалась записка, отпечатанная на машинке с полным соблюдением правил орфографии и синтаксиса.

«Уважаемый тов. С. Бадейкин! Проанализировав ответы, присланные вами, я сделал из них сжатый, так сказать, сгущенный отзыв на мои произведения. Вот он: «Уважаемый тов. Анциферов! Ваше

стихотворение привлекает важностью темы — любовь к родному краю. Чувствуется, вы не равнодушны и к проблемам загрязнения природы. Кроме того, приятно, что вы не замыкаетесь в рамках одной темы и обратились к проблемам жилищного строительства. Правильно! Надо помогать нашим славным строителям бодрящими, жизнерадостными строками...»

Сергей читал записку и приподнимался на стуле. Анциферов добросовестно переписал все пятнадцать ответов. Вернее, их начальные предложения, где речь шла о несуществующих достоинствах анциферовского бреда. Автор предстал гением.

«Вы можете спросить, а как же с отмеченными недостатками? Но, положив руку на сердце, ответьте: разве любой, даже самый большой минус может затмить то восторженное отношение, то восхищение, которые сквозят в каждой вашей строке? Нет сомнения, вы, как убежденный сторонник моего творчества, окажете мне самую широкую поддержку. С горячим приветом! Влад. Анциферов.

Чуть не забыл. Свои стихи с приложением вашего сгущенного отзыва я разослал по редакциям журналов. Спасибо, спасибо, родной тов. Бадейкин!»

Несколько минут Сережа Бадейкин машинально обводил карандашом подпись «Влад. Анциферов», по том взял толковый словарь Ожегова и пошел в соседнюю комнату — бить фельетониста Карагодина.

ОСТАЛЬНОЕ — МОЛЧАНИЕ

Мы лежали рядом, смотрели вверх и негромко беседовали Аркадий Николаевич, Степан Кузьмич и я. На правом фланге находился Евгений Вален-

тинович. Но он в разговор не вступал, отмалчивался, только все кряхтел чего-то... Мы познакомились всего пару часов назад, но уже успели подружиться.

— Силы много в нас позаложено.

В жизни нет для нас невозможного! — с чувством декламировал Аркадий Николаевич.

— Потолок-то весь в трещинах... — бормотал между тем Степан Кузьмич, мужик практичный и солидный. — Небось, лет пять помещению ремонта не давали, черти полосатые.

— «В жизни нет для нас невозможного», — повторил я понравившиеся строки. — Аркадий Николаевич, вы — прирожденный поэт!

Евгений Валентинович покряхтел и зашевелился

Ну дак, ясное дело... — не поворачивая головы, заметил Степан Кузьмич (между собой мы звали его просто Кузьмичом). И соваться даже не вздумай, Аркашка! Слышь, чего говорю?

— А вдруг я вундеркинд? — засмеялся Аркадий Николаевич.

— И словесами такими не бросайся, — сурово сказал Кузьмич.

Он поворочался, устраиваясь поудобнее, и продолжал:

— Вундеркинд, голуби вы мои, — самый что ни на есть несчастный человек. Несчастный и никудышный. Вот, к примеру, народился пацан И с пеленок — да что там! еще не обсох, как следует — все как есть соображает. Говорит лучше диктора, поет, считает, о футболе рассуждение имеет. Даже, х-хе, стишки пописывает...

Аркадий Николаевич недовольно кашлянул. Евгений Валентинович перестал кряхтеть и, казалось, внимательно прислушивался

— И чем же плохо? — спросил я. — Вдруг он гений? Может, ему открытие суждено совершить, обогатить человечество неслыханным...

— Погоди, — досадливо поморщился Кузьмич. — Все это болтовня одна, ничего ему не суждено. А станется с ним, вундеркиндом, вот что. Чуть месяца два-три стукнуло — в бассейн его, родимого, а не то в ванну — закалять, к брассам и кролям приучать. А там, глядишь, ясли пошли с французским уклоном, детсадик с немецким, фигурное катание, рисование всякое, шахматы... Дальше особая спецшкола, где словца-то русского не услышишь, музыка, дельтапланеризм. Да разве все упомянешь?

— Так что ж дурного? — хором воскликнули мы.

— А то, — назидательно сказал мудрый Кузьмич, — что в итоге, после мучений всех и трудов, вырастет из вундеркинда самый что ни на есть обыкновенный... Ну, кто?

— Кто?

Ин-же-нер. На «сто двадцать плюс без квартальных». Да-с! Сидит, бедолага, за кульманом и страдает. Голова-то знаниями разными доверху набита, облысела аж. А на кой они ему в НИИ чего-нибудь этакого? Вот сидит и мучается комплексами. Так-то голуби...

Мы потрясенно молчали. Кузьмич зевнул и, засыпая, проговорил сонно:

— Все потому, что в роддоме рот неосторожно раскрыл, на радость, понимаешь ли, папаше и мамаше... О-х-хо-хо-хо, грехи наши тяжкие...

Выходит, скрывать следует? — спросил ошелом-

ленный Аркадий Николаевич. — Таить в себе искорку божью?

— Насчет искры не скажу, пробормотал засыпающий Кузьмич, — а только тихо, спокойно сидеть надобно, не высовываться, иначе по гроб жизни хлопот не оберешься... Во-о-он Валентинович-то Евгений. Умнейший мужик. Молчит себе и в ус не дует, потому — голова...

За дверью послышались шаги, в комнату вошла Лидия Никаноровна. Перед собой она толкала тележку на колесиках.

«Голова» Евгений Валентинович среагировал первым: сморщил личико и отчаянно завопил:

У-а-а-а-а! Уа!

У-а-а-а! — подхватил Кузьмич сиплым басом.

— У-а-а-а-а-а! — что есть сил закричали мы с Аркадием Николаевичем.

Ах вы, мои масенькие, умилялась добрая Лидия Никаноровна. Проголодались, крошечки? Сейчас, сейчас...

Она переложила нас на тележку и повезла в соседнюю палату к заждавшимся мамам предстояла наша первая в жизни трапеза...

По дороге мы не проронили ни слова.

СОДЕРЖАНИЕ

На страшном нерве	3
Герой дня	5
Сказано — сделано	6
Рабочая сила	9
На диване	12
Пропавшая экспедиция	15
Аукцион	17
Потрясающий Еремеев	19
Делу — время	22
Жестокая	23
Учитесь у классиков	25
Остальное - молчание	28

Литературно-художественное издание

Олег Чарушников

НА СТРАШНОМ НЕРВЕ

Юмористические рассказы

(Фантакрим-микро. Фантастика, детектив,
приключения)

Составление выпусков «Фантакрим-микро»

М. И. Андриюшкин.

Редактор выпуска Г. Т. Терентьева

Оформление и художественное редактирование

С. В. Баленок

Координатор выпуска Д. В. Крымов.

Сдано в набор 20.08.89 Подписано в печать 2.10.89 АТ 10767
Формат 84×108^{1/64} Бумага офс Гарнитура литературная. Печать
офс Усл. печ. л 0,84 Уч изд. л 1,2 Тираж 105.000 экз. За-
каз 1547 Цена 30 коп

Издательство «Прометей» МГПИ имени В И Ленина, 119048,
Москва, Усачева, 64

Набрано и отпечатано в типографии «Победа», 222310 Молодечно,
ул Тавлая, 11